

УДК 330.812(470)
ББК 65.02(2)51

Н.А. Разманова

*доктор исторических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ*

ЧЕЛОБИТЬЯ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ, ТОРГОВЫЙ И НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВЫ КАК ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ И.Т. ПОСОШКОВА

В статье выясняется роль поднимавшихся и обсуждавшихся в русских торгово-промышленных кругах, а также находивших отражение в челобитьях второй половины XVII в. проблем, в формировании представлений И.Т. Посошкова. Проведен анализ степени влияния норм Торгового и Новоторгового уставов на становление экономических взглядов И.Т. Посошкова.

Ключевые слова: меркантилизм, протекционизм, челобитья, купечество, Торговый устав 1653 года, Новоторговый устав 1667 года, И.Т. Посошков.

N.A. Razmanova

*D.Sc. in History, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation*

CHELOBIT'YA (REQUESTS) OF TRADERS, THE TRADING CHARTER AND THE NEW TRADING CHARTER AS THE SOURCES OF FORMATION OF I.T. POSOSHKOV'S ECONOMIC VIEWS

The article determines the role of the problems raised and discussed in the Russian commercial and industrial circles as well as depicted in chelobit'yah (requests) of the 2^d half of the 17th century. The role of these problems in formation of I.T. Pososhkov's thoughts is also defined. The impact of the norms of the Trading and New Trading

Charters on formation of I.T. Pososhkov's economic views is analyzed.

Keywords: mercantilism, protectionism, chelobit'ya (requests), merchantry, the Trading Charter of 1653, the New Trading Charter of 1667, I.T. Pososhkov.

*И купечество в ничтожность повер-
гать не надобно, понеже без купечества
никакое не токмо великое, но и малое
царство стояти не может.*

И.Т. Посошков

Прошло 290 лет с того времени, как И.Т. Посошков в 1724 г. создал свое самое известное сочинение — «Книгу о скудости и богатстве». Подлинное рождение этого тракта произошло только в 1842 г., когда профессор русской истории Московского университета М.Н. Погодин опубликовал экономический трактат И.Т. Посошкова. С этого времени изучение жизненного пути И.Т. Посошкова, исследование своеобразия его экономических и социально-политических взглядов, выявление других его сочинений, их издание и переиздание продолжают до наших дней [18, с. 553, 582]. Но, по замечанию Д.Н. Платонова, «проблем в изучении творческого наследия И.Т. Посошкова очень и очень много. Крайне мало исследованы идейные истоки экономических воззрений русского мыслителя, его связи с “бунташным” XVII столетием» [16, с. 5].

Действительно, во второй половине XVII в. экономическая мысль в России не была институционализирована. Идеологические и научные заимствования, как подметил В.О. Ключевский, были почти невозможны, так как западная Европа и Россия являлись «очень несоизмеримыми величинами» и имели, «не только неодинаковые уровни развития, но и различные мирозерцания, различные способы развития и различные понимания смысла бытия»

[9, кн. 1, с. 139, 143, 152; кн. 4, с. 760]. Самым первым известным нам документом, донесшим в Россию положения меркантилизма, был трактат француза Яна де Грона, с которым в 1651 г. ознакомился царь Алексей Михайлович и его ближайшее окружение [4, с. 115–116, 117]. Но этот трактат не стал известен за пределами дворца и не оказал влияние на экономическую политику русского правительства [3, с. 9, 10–11]. Учитывая это, представляется маловероятным, чтобы И.Т. Посошков, происходивший из крестьянскогословия и не получивший систематического образования, имел доступ к докладу де Грона и другим сочинениям европейских меркантилистов. А между тем его книга по праву считается первым теоретическим трудом в истории русской экономической мысли, и ее автор причислен к выдающимся русским экономистам и социальным мыслителям [5; 8; 15; 17; 21].

«Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова содержала в себе ряд новаторских идей, опередивших свое время. Очевидно, что выявление источников формирования мировоззрения И.Т. Посошкова является актуальным научным исследованием. Б.Б. Кафенгауз, один крупнейших исследователей жизни и творчества И.Т. Посошкова, предпринял попытку определить место «Книги о скудости и богатстве» в русской литературе начала XVIII века, но нормативные документы оказались вне его внимания [7, с. 285]. В настоящей статье ставится цель проанализировать те факторы, которые еще не рассматривались в работах о И.Т. Посошкове, но которые оказали влияние на становление его экономических воззрений. К их числу можно отнести как чело-
битья торговых людей, так и созданные на их основе нормативные документы, регулировавшие обложение торговли. Эти материалы отразились в его книге в виде прямых и опосредованных ссылок. Обращение именно к этим документам обосновано еще и тем, что по выражению Б.Б. Кафенгауза, И.Т. Посошков хотя и

был современником Петра I, «но значительная часть его жизни относится к допетровской эпохе» [7, с. 287].

И.Т. Посошков жил в эпоху, когда в России шло формирование социально-экономического строя, основой которого являлись крепостнические институты, сосуществовавшие с товарно-денежными отношениями и началом активного вмешательства государства в экономику. При первых Романовых сложились важнейшие направления экономической политики, опиравшейся на представления, воспринятые от прежних столетий. На протяжении второй половины XV – первой половины XVII в. хозяйственная деятельность в России переживала постепенный подъем, и аккумуляция единичных знаний и многочисленных краткосрочных решений власти и их трансформация в государственный опыт управления национальной экономикой также происходили медленно. Те сдвиги, которые зародились в хозяйственной жизни России после Смуты, не были осознаны ни в царствование Михаила Федоровича, ни в начале царствования Алексея Михайловича, а принимавшиеся правительством политические решения имели слабую обратную связь с реалиями хозяйственной деятельности. Именно поэтому до середины XVII в. идея покровительства торговым людям не представлялась русскому правительству актуальной. Подтверждением этому служит архаичный порядок обложения предметов потребления, производимых как внутри государства, так и вне его.

Внутренние таможенные пошлины, которых насчитывалось около тридцати, взимались со всех действий, приближавших товары с момента их производства до момента потребления, в том числе с провоза через заставы по дорогам и рекам, ввоза в города и вывоза, складирования в амбарах и гостиных дворах, взвешивания, измерения, продажи и покупки. Облагались и торговые люди при проезде их с товарами, а иногда даже и без товара. На протяжении трехсот лет

сбор внутренних таможенных пошлин регулировался таким неформальным институтом как обычай, и система почти не реформировалась, так как уровень обмена оставался низким в условиях господства натурального хозяйства.

Таможенные книги, регулировавшие сбор внутренних таможенных пошлин с конца XVI в., не способствовали возникновению единого общероссийского экономического пространства, так как в них была закреплена дифференциация торговых людей по территориальному признаку. Они подразделялись на местных, которые облагались минимально, в размере 1 денги с рубля; иногородних, которые облагались по более высокой норме — от 2,5 до 6 денег с рубля, и иностранных, которые должны были платить самые высокие пошлины, но не платили [12, с. 246, 247; 20, с. 264, 271–272, 274]. Шведы обладали правом свободной торговли в России на основании Тязвинских соглашений 1595 г. и условий Кардисского мирного договора 1661 г. Другие европейские купцы освобождались от громоздкой процедуры выплаты внутренних таможенных пошлин особыми жалованными грамотами. Это давало им большие конкурентные преимущества на внутреннем рынке. Начиная с 1627 г., русские купцы неоднократно обращались к правительству с челобитьями, в которых требовали равных условий для всех участников внутреннего рынка [3, с. 109]. Но до 1653 г. положительная реакция правительства не следовала, и иностранные купцы, занимавшиеся посреднической торговлей в России и Европе, имели норму прибыли близкую к 390 %¹.

Имелись весомые обстоятельства, определявшие предпочтения правительства, поддерживавшего не

¹ Челобитные английских купцов Романа Романова и Антона Иванова царю Федору Ивановичу по делам торговли и по долговым обязательствам купцов // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2 : с 1581 по 1604 г. С. 225.

своих, а европейских купцов. Последние удовлетворяли потребности России в стратегически значимом импорте — серебре, из которого чеканились русские деньги. Талеры, широко ходившие в Европе, казна покупала по 50 копеек за штуку и чеканила из каждой талерной монеты 64 копейки. Эта операция давала 28 % прибыли. Собственные месторождения серебра были разведаны на Урале только при Петре I [11, с. 167, 177]. Также иностранные купцы привозили в Россию оружие [6, с. 72, 74-75, 95, 98; 24, с. 265–266]. В свете этих обстоятельств выбор, сделанный правительством, представлялся верным, так как политические и экономические издержки в случае «обиды» иностранцев приобретали угрожающие размеры. Но при объективном рассмотрении сделанного выбора и контроля над исполнением установленных в его результате правил, ясно, что он был далек от совершенного. Просчеты при выборе агентов «обмена» были связаны не столько с недостатком достоверной информации, сколько с слишком широким спектром отношений, включенных в «контракт» по координации действий русского правительства и иностранных коммерсантов.

Свободное сообщение с Европой обеспечивал тогда единственный в России морской порт — Архангельск, через который шел огромный поток товаров. Русские купцы сами свои товары в Европу не вывозили, не столько потому, что не имели кораблей, сколько потому, что наталкивались на непреодолимый барьер сговора европейских купцов, поддержанного магистратами прибалтийских портов. Европейские коммерсанты числом до 30–40 кораблей сами прибывали в Архангельск и скупали товары. Несмотря на ограниченность и распыленность товаров, шедших на экспорт, русский рынок обладал высокой степенью привлекательности для европейских купцов, так как обеспечивал потребности бурно развивавшейся мануфактурной промышленности Запада в сырье и полу-

фабрикатах. Для того чтобы покупать их по еще более низкой цене, иностранцы активно вытесняли русских купцов с внутреннего рынка, не скрывая своего стремления монополизировать внутреннюю торговлю, и тем более не допускали их к участию в экспорте. Иностранные купцы, особенно английские, искусственно поддерживали высокие цены на свои товары или по сговору занижали цены при скупке русских товаров, прибегая к демпингу [19, с. 14–15; 23, с. 223–224]. И хотя число «обидных» дел росло, правительство отдавало свои предпочтения в пользу перераспределения выгод, а не поиска новых путей и методов управления, и тем самым надолго определялся общий вектор инертного существования торговли. Очевидная незащищенность русских торговых людей и во многом обусловленная этим слабость в конкурентной борьбе заставляла их обращаться к царю, воплощавшему в себе всю мощь российского государства.

Возникновение такого инструмента влияния на власть, как челобитье, свидетельствовало, что взаимодействия правительства с иностранными и русскими торговыми людьми обсуждались в купеческом сообществе. Деловитость и дельность русских торговых людей отразилась на всей личности И.Т. Посошкова который был «не абстрактно рассуждающим о поднимаемых вопросах» мыслителем, человеком, который «мыслил о них вполне конкретно, предлагая конкретные меры по достижению желаемого», был практическим человеком, а «потому не мог ничего выдумать оторванного от реальности» [14, с. 11, 12]. Как отголосок дискуссий, которые приходилось слышать И.Т. Посошкову, явилась его идея, как перехватить у иностранных купцов инициативу: «Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать пред нами, и во всем упадок

пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материальным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойные цены» [18, с. 127]. В приведенном высказывании И.Т. Посошкова явственно виден процесс осознания общности интересов русских торговых людей и поиск путей преодоления недобросовестной конкуренции со стороны иностранцев. Коллективные челобитья, являвшиеся консолидированным мнением различных сословий, занимавшихся торговой деятельностью, настойчиво говорили о заинтересованности в поддержке государства. Например, челобитье 1646 г. было подписано 166 торговыми людьми, как крупными купцами, так и торговыми людьми из других сословий. Активизировавшийся, начиная с Соборного уложения 1649 г., процесс консолидации и сформулированные в его ходе требования государственного покровительства отечественной торговле не могли не оказать влияния на формирование взглядов И.Т. Посошкова. Эта проблема являлась для торгового сообщества настолько актуальной, что составление и подача челобитий приурочивалась к очередному из Земских соборов, в то время являвшимися представительными органами [1, с. 110-111].

Таким образом, задаваясь вопросом об источниках формирования экономических воззрений И.Т. Посошкова, в качестве важнейшего можно назвать о потребности торгово-промышленного сообщества, остро нуждавшегося в повышении своей конкурентоспособности при поддержке государства. Живя среди торговых людей и занимаясь предпринимательством, И.Т. Посошков был свидетелем самоидентификации купеческого сословия и его правового оформления в социальной структуре русского общества. Подтверждением, что эти процессы оказали влияние на мировоззрение И.Т. Посошкова, служат, многие места в его

книге. «...Ни офицерам, ни солдатам, в купечество не вступати же, ...токмо пеущися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делах, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и та не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы» [18, с. 122]. Речь идет не только об устранении конкуренции европейских купцов, но и об ограничении права на торговлю подданных российского государства, которые по своему статусу имели привилегии и поэтому могли успешно конкурировать с соотечественниками. «И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписатися надлежит» [18, с. 121]. Зато торговавшие крестьяне должны были получить, по мнению И.Т. Посошкова, наибольшее благоприятствование. Главным социальным лифтом, позволявшим крестьянину, имевшему «торгу на сто рублей» «записаться» в купечество, не пахать, а «быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить», И.Т. Посошков провозглашал денежный капитал [18, с. 121]. Это не удивительно, так как сам И.Т. Посошков, имея крестьянское происхождение, был денежным и водочным мастером, «купецким человеком» и, наконец, выбился в землевладельцам и душевладельца [7, с. 287–288].

Сословность, как главная особенность социальной структуры русского общества XVII в., также нашла отражение в высказываниях И.Т. Посошкова. По его убеждению все права и привилегии, ограничения и запреты следовало закреплять в нормативных документах. Одним из таких действовавших нормативных документов был Новоторговый устав 1667 года, формулировавший основополагающие принципы протекционистской политики. Таким образом, кроме идей,

обсуждавшихся в предпринимательской среде, на И.Т. Посошкова оказала влияние и практика создания и применения государственных актов, регулировавших отношения на внутреннем рынке¹.

До нашего времени дошел подлинник Новоторгового устава и такое количество списков XVII в., которые позволяют говорить о его широком применении на таможнях вплоть до принятия Таможенного тарифа 1724 года и знания его положений торговыми людьми. Но у Новоторгового устава имелся предшественник — именной указ 1653 года, или Торговый устав, нормативный документ, в котором впервые воплотилось главное требование торговых людей [2, с. 589, 596–597; 22, с. 108–109]. Большинство мелких сборов и пошлин отменялись, кроме сборов за проезд по содержавшимся казной мостам и перевозам, и вводилась единая для всех участников рынка 5 % рублевая пошлина (10 денег с рубля от цены товара). С покупателей назначался сбор в размере 5 денег с рубля или 2,5 %. В Архангельске и Новгороде для русских и иностранных купцов была установлена единая рублевая пошлина, во внутренних городах обложение иностранных купцов возросло до 6 % и составило «по два алтына с рубля» [10, с. 157]. Также на иностранцев налагалась дополнительная пошлина на «русские товары», которые «повезут за море» в размере 4 денги с рубля или 2 %. Архаичные нормы таможенных книг, разделявших русских торговых людей на местных и иногородних, перестали действовать. Им на смену шли новые нормы, отвечавшие требованиям не только гостей, но и «гостиной и суконной

¹ Сказка Даниила Строганова с братьями и гостиной и других сотен торговых людей об искоренении злоупотреблений по таможенным сборам // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 4 : 1645–1700. № 64. С. 99.

[сотен. — Н. Р.] и черных слобод и городских всяких чинов торговых людей»¹.

И.Т. Посошков, как следует из его трактата, хорошо знал не только Торговый и Новоторговый уставы, которые в списках нередко воспроизводились вместе, но и глубоко понимал механизм их действия. Эти нормативы сформировали новые принципы координации взаимодействия правительства и купечества — негласно было заключено решение о взаимной поддержке. Сущность «институционального остатка» изменилась в пользу зарождения национального рынка, и именно идея мощного развития русского купечества при поддержке государства являлась центральной в книге И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве». Он прямо писал об этом: «И так купечество годствует блюсти. ... Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили.... И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбудится.... И аще такс состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись» [18, с. 121, 123, 127].

Но почему правительство изменило свою политику по отношению к торговым людям именно в 1653 г.? В середине XVII в. сложилась ситуация, для которой было характерно сложное смешение мотиваций, формирующих выбор, в результате которого началось создание институциональной среды протекционизма [13, с. 19-20, 31, 32-33]. Центральным событием стало вхождение в состав Российского государства Левобережной Украины и Киева, за которые пришлось вое-

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1725 г. СПб., 1830. Т. 1 : с 1649 по 1675. №. 107. С. 302-303, 304 (далее — ПСЗП).

вать с Польшей. Вопрос о наполнении казны в условиях войны стоял чрезвычайно остро. С крестьян больше того, что они давали, взять было невозможно, но самое главное, чрезмерные поборы с крестьянства угрожали благосостоянию крупного поместного и монастырского землевладения. Слова И.Т. Посошкова: «В собрании царского сокровища надлежит прямо и здрово собирати, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести, казна бы царская собирати, а царства бы его не розоряти. Худой тот збор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет» свидетельствовали, что решение Земского собора о возложении основной тяжести чрезвычайных налогов на торговых людей, признавалось им справедливым [18, с. 185]. Тем более что взамен торгово-промышленные слои получили компенсацию — Торговый устав 1653 года¹. Его принятие можно рассматривать как «обмен» в политической сфере, как заключение «обязывающего контракта», который обеспечивался сравнительно незначительным контролем, так как соблюдение его условий было выгодно его агентам. И.Т. Посошков, первый русский институционалист, явственно видел скрытый механизм этого «обязывающего контракта». «Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет. И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробывать не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается», — так начинал И.Т. Посошков главу, посвященную купечеству [18, с. 120]. Трансакционные издержки представлялись всем агентам контракта в тот момент низкими — монарх, нуждаясь в поступлении больших сумм из налогов, предоставил требуемые торгово-промышленными

¹ ПСЗП. Т. 1. № 107. С. 302–305.

слоями преференции в обмен на их согласие платить чрезвычайные сборы.

Новоторговый устав, автором и инициатором принятия которого был А.Л. Ордин-Нащекин, один из первых проводников меркантилизма в России, вступил в силу через три месяца после завершения войны с Польшей, длившейся тринадцать лет. Андрусовское перемирие закрепило за Россией Левобережную Украину и Киев, но победа далась тяжелой ценой — назревал социальный взрыв. В 1667 г. началось Соловецкое восстание, три года спустя — крестьянская война под предводительством Степана Разина. В этих условиях правительство, вновь нуждаясь в поддержке торговых людей, придало Новоторговому уставу ярко выраженных протекционистский характер и максимально удовлетворило требования купцов. В 1667 г. «обязывающий контракт» правительства и торговых людей получил еще большее развитие — внутренний рынок был полностью закрыт для иностранных купцов¹. Предлогом послужила ссылка на жалобы на иностранных купцов, привозивших во время войны «товары худые, поддельные как в серебре и в золоте в литом и в пряженом, так и в поставках, сукнах и иных заморских товарах, ...за которые подлинно обличены». Поставка на русский рынок некачественных товаров явилась причиной, что русским купцам «многие убытки и домовые разорения учинились»². Эта часть введения к Новоторговому уставу проясняет те места в книге И.Т. Посошкова, где он критикует «древний купецких людей обычай» обманывать друг друга и покупателей. Он осуждал не только иноземных, но и русских купцов, которые «[Т]овары ... на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут несправедливую, и неискренних людей тем обманом

¹ ПСЗП. Т. 1. № 408. С. 689.

² Там же. С. 677.

вельми изъянят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают». Этот «неправый порядок», по мнению И.Т. Посошкова, имел многочисленные негативные последствия. Кроме «неправды» и «греха», обман порождал недоверие потребителя, который в условиях натурального хозяйства с легкостью сокращал потребление некачественных и дорогих товаров. Это угрожало продавцам разорением, приводило их «в убожество вящшее... и тако вси отончевают». Русским купцам следовало торговать честно, чтобы принудить иностранцев также к более добросовестному поведению на рынке: «цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут» [18, с. 123, 125].

Новоторговый устав разрешал иностранцам торговать только в Архангельске, Пскове, Новгороде и Путивле и других пограничных городах. Даже когда иностранные купцы поставляли свои товары по заказу царского двора, им было запрещено сопровождать их вглубь страны для того, «чтобы своевольные их к Москве проезды для многих ссор отставлены были». Тем более им было запрещено торговать в розницу под угрозой штрафа и даже конфискации имущества¹. Практику территориального ограничения иноземного торго И.Т. Посошков не только одобрял, но и развивал применительно к петровской эпохе. Он писал: «И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высоту цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к

¹ ПСЗП. Т. 1. № 408. С. 684, 685, 689–690.

себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их» [18, с. 138]. Последние слова являлись откликом на еще одну норму Новоторгового устава, не разрешавшую иностранным купцам хранить и взвешивать товары дома. Эти действия предписывалось совершать только в таможнях, что увеличивало издержки иностранных купцов и еще более ограничивало их права на внутреннем рынке¹. «И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, ежебы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад» [18, с. 126].

И.Т. Посошков понимал, что далеко не все товары иностранных купцов могли быть реализованы в условиях такой жесткой регламентации, но считал, что запретительные меры можно усилить, так как это пойдет на пользу русским купцам. «А в амбары с кораблей не сторговавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемные деньги давать станут, или где в доме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут», — писал И.Т. Посошков [18, с. 126]. В его трактате имеется немало мест, где предлагаются более строгие, по сравнению с Новоторговым уставом, меры по ограничению иностранных купцов и санкции в случае их нарушения. Это можно объяснить, что отказы иностранцев исполнять положения Новоторгового устава, попытки обойти их, были явлениями частыми. Известны действия датчанина П. Марселиса, торговавшего в Гамбурге и Москве, направленные на то, чтобы оспорить многие ограничительные статьи Новоторгового устава. П. Марселис получил отпор от московских гостей, заявивших, что «статьи по Петрову

¹ ПСЗП. Т. 1. № 408. С. 681, 687.

письму непристойны», и поддержанных русским правительством [2, с. 608–609; 22, с. 114–115, 116].

Хотя еще Торговый устав 1653 года отменил большинство мелочных сборов на внутренних таможах, которые собирались посредством сдачи их в откупа, практика подобном образом пополнять казну сохранялась более тридцати лет. В 1681 г. последовал именной указ «О мерах к предотвращению убытка казне, происходящего от недобора пошлин с товаров, об отмене таможенных откупов и о поручении сего сбора верным головам и целовальникам». Норматив определял, что с 1 сентября 1682 г. «которые таможенные сборы отданы на откуп, а урочных лет тем откупам не дошло; и те таможенные сборы, ...с откупа снять и собирать в тех (городах) и в уездах на вере же»¹. Но поскольку контролировать исполнение указа 1681 г. на местах было невозможно, а прибыль откупщиков была высока, нарушений продолжали происходить и дальше в большом числе. Эти нарушения в царствование Петра I явно носили характер анахронизмов. Одновременно вновь вводились многочисленные мелочные сборы, которые «сочиняли» прибыльщики, в том числе сборы с мостов и перевозов, бань, судов, клейменья хомутов, водопоев, неуказных платьев и бороды. Всего в начале XVIII в. их насчитывалось около 40. И.Т. Посошков рассматривал их как «второе издание» норм, действовавших до принятия Торгового и особенно Новоторгового уставов. «По моему мнению, вси вышепомянутые древняго уставу пошлинные многоплодны зборы и нововымышленные зборы мелочные отъстаиить, да устави́т един самый царственны праведной збор, иже до христова воплощения уставленный, то есть десятинный, еже имать пошлыны по гривне с рубля, а не по пяти алтын. И учинить бы тот збор постоянный и недвижимы, когда ненарушимый, чтоб со всякого то-

¹ ПСЗП. Т. 2 : с 1676 по 1688. № 876. С. 330.

вара взять пошлина одинажды по гривне с рубля и уже бы с того товара в другой ряд или в третей отыщд бы ничего нигде никогда не имать» [18, с. 193].

Даже первая попытка сопоставить статьи Торгового и Новоторгового уставов с положениями четвертой и девятой глав книги И.Т. Посошкова убедительно свидетельствуют, что к числу важнейших источников формирования экономических воззрений русского экономиста относятся действовавшие во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. русские правовые нормы. Важнейшими методами формирования экономических воззрений И.Т. Посошкова явились наблюдения над практикой хозяйственной жизни и экономической политики правительства, сопоставления их с торговыми нормативными документами и анализ результатов этих сопоставлений с точки зрения выгод торгово-промышленных слоев и государства. Глубина осмысления и приемы его интеллектуальной деятельности демонстрируют, что самоучка, или правильное «self made man», И.Т. Посошков вошел в отечественную историю как первый экономический и социальный мыслитель, применявший научные методы познания.

Список использованной литературы

1. Базилевич К. В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века / К. В. Базилевич // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. — 1932. — № 2. — С. 91–123.
2. Базилевич К. В. Новоторговый устав (К вопросу о его источниках) / К. В. Базилевич // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. обществ. наук. — 1932. — № 7. — С. 589–622.
3. Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича / К. В. Базилевич // Ученые записки МГУ. История. — М., 1940. — Вып. 41. — С. 3–34.
4. Бакланова Н. А. Ян де Грон — прожектор в Московском государстве XVII века / Н. А. Бакланова // Ученые записки Института истории РАН ИОН. — М., 1929. — Т. 4. — С. 103–122.

5. Брикнер А. Г. Иван Посошков / А. Г. Брикнер. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1876. — Ч. 1 : Посошков как экономист. — II, 361 с.
6. Демидова Н. Ф. Первые Романовы на Российском престоле / Н. Ф. Демидова, Л. Е. Морозова, А. А. Преображенский. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 218 с.
7. Кафенгауз Б. Б. И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I / Б. Б. Кафенгауз // Посошков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — С. 281-312.
8. Кафенгауз Б. Б. И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность / Б. Б. Кафенгауз ; 2-е изд. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — 204 с.
9. Ключевский В. О. Западное влияние в России XVII в. Историко-психологический очерк / В. О. Ключевский // Вопросы философии и психологии. — 1897. — Кн. 1. — С. 137-155; Кн. 3. — С. 535-558; Кн. 4. — С. 760-800.
10. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича : [Исследование и прил. текст] / сост.: Г.Б. Курц. — Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1915. — VIII, 607 с.
11. Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А. С. Мельникова. — М. : Финансы и статистика, 1989. — 318 с.
12. Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI-XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. — М., 1950. — Вып. 31. — С. 245-266.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики ; пер. с англ. / Д. Норт. — М. : Фонд эконом. книги «Начала», 1997. — 180 с.
14. Осипов Ю. М. Иван Тихонович Посошков — великий русский мыслитель / Ю. М. Осипов // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. — М. : Наука, 2003.
15. Пашков А. И. Экономические взгляды И.Т. Посошкова // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. — М., 1945. — № 4. — С. 26-43.
16. Платонов Д. Н. Иван Посошков / Д. Н. Платонов. — М.: Экономика, 1989. — 144 с.
17. Погодин М. Предисловие / М. Погодин // Сочинения Ивана Посошкова / изд. М. Погодина. — М. : Тип. Н. Степанова, 1842. — [Ч. 1.] — С. VII-XXIV.

18. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И. Т. Посошков ; сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина. — М.: РОССПЭН, 2010. — 591 с.

19. Родес И. де Состояние России в 1650-1655 гг. : по донесениям / И. де Родес ; [[Пер.] Б. Г. Курц]. — М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. — VIII, 268 с.

20. Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. / Ю. А. Тихонов // Исторические записки. — М., 1955. — Вып. 53. — С. 258-290.

21. Царевский А. А. Иван Тихонович Посошков в истории русского прогресса / А. А. Царевский. — СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1883. — 29 с.

22. Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 года / Е. В. Чистякова // Археографический ежегодник за 1957 год / отв. ред. М. Н. Тихомиров. — М., 1958. — С. 102-126.

23. Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. / Е. В. Чистякова // Исторические записки. — М., 1950. — Вып. 34. — С. 199-235.

24. Шумилов М. М. История торговли и таможенного дела в России IX-XVII вв. / М. М. Шумилов. — СПб. : Синтез-Полиграф, 1999. — 447 с.

Информация об авторе

Разманова Наталья Александровна — доктор исторических наук, профессор, кафедра экономической истории и истории экономических учений, Финансовый университет при Правительстве РФ, 101000, г. Москва, пер. Малый Златоустинский, д. 7, стр. 1, e-mail: history.uf@yandex.ru

Author

Razmanova Natalia Aleksandrovna — D.Sc. in History, Professor, Department of Economic History and History of Economic Thought, Financial University under the Government of the Russian Federation, 7, building 1, Small Zlatoustinsky lane, Moscow, 101000, e-mail: history.uf@yandex.ru